

ШКОЛА

Кто способен приковать к себе внимание слушателей, тот их властелин. Где начинается скука – прекращается внимание, а следовательно, и образование.

Адольф Дистервег

и окрестности

/ №2.
Август,
2012

Давид Самойлов

Думать надо о смысле
Бытия, его свойстве.
Как себя мы ни числи,
Что мы в этом устройстве?

Кто мы по отношению
К саду, к морю, к зениту?
Что является целью,
Что относится к быту?

Что относится к веку,
К назначенью, к дороге?
И, блуждая по свету,
Кто мы всё же в итоге?

Лидеры образования

Челябинский институт переподготовки и повышения квалификации работников образования
Внутренняя вкладка

Аркаим – послание древних

Фрагмент книги Марины Загидуллиной «Прадедушка Аркаим»
Краеведческая вкладка, стр. II

Советы психолога

Андрей Астров: «Первая задача родителей – защитить малыша от социума»
Стр. 3

Уникальные музеи Урала

Кабир Ямилов, создатель Музея музыкальных инструментов и этнографии, – о своем детище
Краеведческая вкладка, стр. III

Владимир Боже

Жизнь челябинской школы к началу XX столетия
Краеведческая вкладка, стр. I

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

«Педагогика – это высшее из всех искусств...»

Владимир Помыкалов

Директор Института экономических исследований и бизнес-образования «РОБИС»

– Владимир Владимирович, сейчас только ленивые не говорят о реформе средней школы, о проблемах образования...

– Да, разговоров много. Но, к сожалению, понимания того, что происходит в образовании, нет. У нас пытаются решить проблемы образования внутри самого образования. Но что бы мы ни делали внутри школы, сама по себе она улучшиться не может. И опыт всех стран, которые прошли этап модернизации, показывает, что модернизация должна начинаться не в школе, она должна начинаться в пединституте, где готовят учителей. А для этого нужно вернуться и начинать готовить будущих вузовских преподавателей ещё в школе. И тут мы попадаем в замкнутый круг. Конечно, школа – консервативная структура. Но при этом она далеко не автономна. Чтобы она начала работать, должен быть запрос. Запрос откуда? Либо из экономики напрямую, либо из более высокой ступени образования. Но

сегодня, чтобы поступить в вуз и учиться в вузе, напрягаться не надо. Ты поступишь туда со всеми тройками, потому что мест в вузах больше, чем выпускников. <...> Но почему это возможно? Потому, что из экономики запроса на классного специалиста нет. И это всё отражается на учительской работе. Учителя перестают как следует учить детей, главное, чтобы те вышли за пределы школы. И начинается, даже в самых хороших школах, грубое натаскивание на ЕГЭ. Но если ребёнку попадается задача, в которой нужно применить знания, а не решить типовой тест, – он абсолютно беспомощен. <...> Однако это не вузовская и не школьная проблема. Это проблема экономики. Экономика не нуждается в модернизации. Там, где процветает коррупция, профессионалу, в принципе, не место! И не потому, что он не укладывается в какие-то моральные нормы отношений, а в силу невозможности работать профессионально там, где этого сделать не дадут. Система коррупции и воровства выталкивает профессионалов. Стало быть, запросов к вузу из экономики на хорошего специалиста не будет до тех пор, пока: а) существует коррупция и б) есть нефтяная труба. Капитал течет туда, где выше норма прибыли (Энгельс). Покуда в экономике есть отрасль, где норма прибыли под 1000%, никакой нормальный капиталист не станет вкладывать деньги в другие отрасли. Пока есть нефтегазовая труба, пока есть сырьевая экономика, гарантированный сбыт по высоким ценам, – никуда больше деньги и не потекут. Это антиры-

ночно! И до тех же пор не будет запроса и к образованию. И в образовании ничего не изменится. – А как же реформы школьного образования, призванные решить все проблемы? – Реформы в среднем образовании сейчас – это имитация. Допустим, можно собрать выдающихся педагогов в какой-нибудь отдельной школе, выпустить супер-детей, 20 или 30 человек, обучить их в лучшем вузе, например, в Высшей школе экономики. И... через год-другой, глядишь, ни одного из них в России не останется. Все уедут за рубеж. Не нужны они здесь! – Ситуация тупиковая? – Всё упирается в политическую ситуацию, в политическую реформу. Покуда существует политическая монополия, существует монополия экономическая. А это страшная вещь! <...> Сегодня необходимо, чтобы государство ушло и занималось тем, чем и должно, создавая условия, задавая рамки и следя за их соблюдением. Нам нужна обыкновенная либеральная политическая реформа. <...> Сегодня у нас уже есть люди, которые адаптировались к рынку и уже страдают от его недоразвитости. Другими словами, появилась социальная база для либерализации. Только супер-крупные олигархи заинтересованы сегодня в сохранении статус-кво. Остальные все потихонечку подтачивают существующую монополию. И когда произойдёт сдвиг, то он будет происходить с нарастающим ускорением. Не имея собственных специалистов, мы начнём их приглашать из-за рубежа, как это и было, между прочим, в 30-е годы,

потому что из экономики пойдёт запрос. И так как приглашённые специалисты будут очень дороги, мы начнём ускоренным образом готовить своих. Вот тогда начнётся переворот и в образовании.

– Но, ожидая этого момента, мы теряем современное поколение детей, молодых людей, тех, кто учится сейчас.

– Уже потеряли. Дети не учатся, потому что им не надо учиться, ситуация не требует этого. <...> Ещё один аспект. Школа развращена не только тем, что она не стремится давать более высокое и качественное знание, она развращена бедностью. Есть такое понятие у психологов – «привычная бедность». Потребности упали настолько низко, что человек с ними смирился и даже не хочет прилагать усилий, ни интеллектуальных, ни физических. Это привычная бедность, и это страшная вещь, из неё уже не выбираются. <...>

– Если пофантазировать, какой, на ваш взгляд, должна быть «правильная» школа?

– Школа должна быть вне политики, и школа должна быть абсолютно бесплатной. Кстати, тех денег, которые сегодня выделяются на образование, школе хватало бы с избытком, если бы деньги шли по назначению. Но, во-первых, они у нас неэффективно используются. И, во-вторых, коррупция процветает и здесь. <...> Далее, школа должна остаться государственным учреждением. Но вуз не должен быть государственным учреждением. Сегодня вузу всё равно, что внутри, главное, чтобы было больше студентов, чтобы больше было финансирования. Поэтому нужно лишать вузы статуса государственных казенных учреждений.

Продолжение на стр. 2

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА

Адольф Дистервег

РУКОВОДСТВО К ОБРАЗОВАНИЮ НЕМЕЦКИХ УЧИТЕЛЕЙ

1. Старайся сделать обучение увлекательным!

Увлекательным и интересным мы называем то, что особенно привлекает наше внимание и сочувствие, естественным образом возбуждает и повышает нашу жизненную энергию. Понятно, что мы охотно занимаемся тем, что нас увлекает, потому что чувство удовольствия связано у человека с возбуждением его внутренних духовных сил. Поэтому, если мы желаем завладеть нераздельно вниманием собравшейся толпы, приковать его к себе, мы должны внушить ей живой интерес, заинтересовать ее своей личностью или своим способом изложения предмета, что опять-таки проистекает из стремления личности вызывать интерес или быть интересной. Интересное возбуждает не будничный, но высший, свободный или чистый интерес, который знаком только образованному человеку и сам в свою очередь способствует образованию. Для учителя же способность делать обучение интересным представляет еще особенный интерес, так как ученик приобретает благодаря этому свободное влечение к истине, к добру и красоте и охотно занимается этими высокими предметами. Потому мы спрашиваем, как сделать обучение интересным, и отвечаем:

Продолжение на стр. 10

«Педагогика – это высшее из всех искусств...»

Продолжение.
Начало на стр. 1

Пусть зарабатывают! Пусть становятся автономными учреждениями, и чтобы никакого чиновничьего контроля за ними не было, и чтобы они получали финансирование по студенту. Ведь хорошая же была идея – образовательный ваучер! Год, другой, третий – и разорится плохой вуз. А зачем нам содержать неэффективные предприятия?

– **Это вуз, а школа?**

– А школа должна быть бесплатной! Она должна обеспечить минимальный образовательный уровень, чтобы каждый ребенок в 17 лет имел одинаковые стартовые возможности. Тогда и талантов будет больше. Средний уровень должен быть обеспечен государством. И на этом этапе должен быть стандарт. На следующих ступенях – никаких стандартов, никаких министерств, никаких учебно-методических объединений; всё это подчинение самого творческого процесса – процесса получения образования – стандартной процедуре. Это убивает творчество.

– **А вы думаете, мы сможем сохранить творческие ростки в малышах, если стандартизируем среднее образование?**

– Я в этом не сомневаюсь. Есть, конечно, вундеркинды – это в каком-то смысле несчастные дети, и можно создавать специальные школы, чтобы смягчить их «тяжелое детство». Я думаю, две-три школы нужны в городе для одаренных детей, как это и было. Но обычные дети должны развиваться свободно в рамках базовых дисциплин. Нельзя форсировать обучение, нельзя сковывать их погоней за «достижениями» и ранней конкуренцией. Нельзя забивать их головы бесконечной информацией. Дети должны проживать свое детство. Тогда, минуя соблазны «вундеркиндов», они будут к концу школы разносторонне развиты и смогут сделать осознанный выбор дальнейшего пути. И для этого, в частности, надо убрать раннюю специализацию. Родители говорят: «У нас ребенок гуманитарий». Да не гуманитарий он у вас, просто учитель по математике плохой. <...>

– **А как вы считаете, школа должна заниматься воспитанием ребенка, как это было в бывшем СССР, или более эффективна западная модель, где воспитание и образование разделены?**

– Я вообще противник этого деления обучения на образование и воспитание. Это неразделимый процесс. Мы воспитываем человека, образовывая, и образовываем, тем самым его воспитывая. Но это не воспитание в нашем, набившем оскомину, «педагогическом» смысле слова. <...>

➤ *Педагогика – это катарсис. Это уподобление. Одна личность растворяется в другой личности, и обе выходят из процесса обновлённые.* ➤

Это одно из самых вредных направлений деятельности, так называемая педагогика. Нет такой науки – педагогика. Есть – методика преподавания, есть дидактика, а педагогике я не даю статуса науки. Потому что есть

личностное взаимодействие, есть воспитатель, и у него есть ученики, слушатели, друзья, дети. И это личностное с ними взаимодействие и означает воспитание.

<...> Как раз великие педагоги и отрицали педагогику! Они говорили, что самое важное в педагогике – это личность педагога. И это, по сути, отрицание педагогики. Так же как и высшее развитие любого вида деятельности означает его отрицание. И в этом плане педагогика – это высшее из всех искусств, потому что это искусство формирования личности.

– **То есть это не наука, это нечто большее?**

– Конечно, легко теоретизировать, что можно взять любого человека и сделать из него педагога посредством обучения. Но педагогом нужно родиться! Это серьезнее, чем музыкальный слух. Это врожденные и развитые способности, это харизма и лидерство. Здесь личность ученика уподобляется личности учителя. Аналогично феномену катарсиса в искусстве. Или чтению книги, когда я забываю, что я читаю, уподобляясь художественному образу. <...> Никто не должен даже догадываться, что здесь идет воспитательная

работа. Потому что это катарсис. Это уподобление. Одна личность растворяется в другой личности, и обе выходят из процесса обновлённые.

– **К сожалению, современные учителя, как правило, очень далеки от подобной планки. Они должны дать предмет, о взаимодействии на уровне личностей речь не идет. Почему?**

– Представьте, что вы – учитель, вы пришли в школу по призыванию. Это высокое служение, прежде всего нравственное. Но здесь заложен конфликт. С одной стороны, вы исполняете свой нравственный долг, а с другой стороны – вам надо кормить семью. Чтобы снять этот конфликт, надо освободить учителя от забот о куске хлеба, просто приписать ноль к его зарплате. Это обеспечит отбор действительно одаренных педагогических кадров в педуниверситет. Это поднимет престиж профессии учителя. Мужчины пойдут в школу. И вот тогда мы посмотрим, где там собственно педагогические, методические, дидактические проблемы...

➤ *Алёна Николаева, Андрей Янин*

■ *Полная версия интервью – на сайте Zenon74.ru*

В АМЕРИКЕ ВЫГОДНО БЫТЬ ЧЕСТНЫМ...

Письмо второе

Когда печальной памяти ГКЧП (Государственный Комитет Чрезвычайного Положения) объявил о своем создании, кто-то предсказал, что Комитет вскоре канет в небытие, поскольку сама аббревиатура несовместима с русской фонетикой. Так и вышло.

Выражение ЕГЭ тоже не слишком соответствует русской фонетике. Экзамен, тем не менее, прижился и, кажется, надолго. Только вот экзамен ли это? На заре его существования я как-то прочел: «Число отличных оценок по математике среди сдававших ЕГЭ в Карачаево-Черкессии увеличилось на 38 процентов по сравнению с прошлым годом». Конечно, все ожидали улучшения результатов, они должны расти из года в год. Но чтобы отличников стало сразу на 38 процентов больше...

В России никому не нужно объяснять, что сие означает. Граждане привыкли к тому, что не подмажешь – не поедешь. И разорвать порочный круг невозможно – слишком много инстанций заинтересовано в том, чтобы результаты экзаменов можно было сфальсифицировать. В совсем еще недалекие времена ректор вуза мог сказать председателю предметной комиссии по математике: «Я имею интерес, чтобы большой Х.

выздоровел... Если нет, то на всякого доктора, будь он даже доктором философии, приходится не больше трех аршин земли». С введением ЕГЭ, как видим, мало что изменилось, по крайней мере в Карачаево-Черкессии. Значит, ЕГЭ признать экзаменом невозможно. Ведь это соревнование, в котором разных участников судят по разным правилам. Впрочем, жители

ZENON^{74.ru}
Информационно-образовательный портал

нынешней России осведомлены об экзаменационных фокусах лучше моего.

Возможно ли такое в Америке? Нет, невозможно. Экзамен SAT (Scholastic Academic Test) сдают одновременно во многих штатах. Происходит это в субботу, когда нет занятий в школах. В каждой классной комнате 20 человек и два проктора, наблюдающих за учениками. Правила поведения на экзамене объявляются по радио. Одно из непреложных правил – academic honesty – академическая честность. На первой странице экзаменационной работы ученик ставит подпись, подтверждающую, что он знаком с соответствующими правилами и согласен в случае их невыполнения быть удаленным с экзамена. Мне не известны случаи, когда такое удаление происходило.

Не забыть: все ученики пишут один и тот же тест – один вариант, как сказали бы у нас. Российский учитель скажет: не вероятно!

Сразу после экзамена работы запечатываются и отправляются бог знает, куда – в штат Огайо, например. Там расположен специальный boagd-комитет, руководящий проверкой. Можно ли представить себе, что бы ректор университета

те написано, что вскрыть его нужно в день, когда тест будет дан ученикам. Я проверяю тесты, ставлю баллы и отправляю их «в центр», где аккумулируются результаты всех школ. В конце года нам объявляют, какая из школ победила. Как видите, есть два места, где можно смешивать. Можно еще первого сентября вскрыть все конверты и решить с учениками задачи, подобные обнаруженным. Никто ведь не проверяет, в какой день и час произошло вскрытие. Кроме того, можно приписать любые баллы любому ученику и сделать командный балл более высоким – работы остаются в школе, и никто, кроме учителя, их не видит.

Рассмотрим учителя (такие, наверное, встречаются), который по натуре своей не прочь совершить небольшой подлог. Что мешает ему пойти, как говорят, по скользкому пути? Однажды в тесте оказалась задача, очень похожая на ту, что мы решили накануне на занятии математического кружка. Назавтра один из учеников ехидно спросил: «Это случайность, что в тесте попала задача, которую мы уже решали?»

Вот одна из причин, не единственная, конечно. Общественность – в данном случае в лице ученика – так или иначе контролирует вас.

Так что в Америке выгодно быть честным.

➤ *Ваш Доктор Джи*

Странствия памяти

Голос из детства

Ты заходишь с сыном в библиотеку, и странное чувство охватывает тебя: вот снова ты маленький мальчик, за твоей спиной – там, на крыльце и дальше – огромный взрослый мир, но ты вдыхаешь особенный запах этих стен, ты скользишь взглядом по стеллажам с манящими корешками, и мир вдруг стремительно сворачивается как свиток, истаяет, и ты окунаешься с головой в иную реальность, в полумраке которой, с той стороны, вершится неведомое...

Странно, библиотека – другая, другое помещение, другие книги смотрят на тебя корешками, да и прошло уже столько десятилетий, но запах, аромат – абсолютно тот же... Какой полиграфист объяснит эту метаморфозу, точнее – эдакое волшебное постоянство? Ведь запах – едва ли не самое эфемерное, что есть на свете...

Так было: каждое воскресенье, ближе к трем часам дня, ты пересекал в одиночестве три двора, что отделяли тебя от этого волшебного приюта (каким долгим, каким наполненным было само это движение – сквозь столбы палящего света и теневые коридоры тополей и акаций), ты переступал порог, робко отодвигал тяжелую бархатную портьеру и занимал свободное место. Иногда, впрочем, ты опаздывал, и черные шторы на окнах уже были опущены, и ты сразу попадал в волшебную темноту, но ты – несмотря на свои 5 лет – не боялся ее. Здесь, в этом закутке мироздания, она была не страшной, но – манящей, желанной. Включался проектор, и сменяли друг друга на белом экране упительные картинки, неподвижные, иногда нерезкие, но всегда полные жизни. В тех скромных картинках жизни было больше, чем во всех 3D-фильмах XXI века вместе взятых. Что-то, что сильнее любых супертехнологий, наполня-

ло их притягательным светом тайны. Были ли это твои глаза, или голос женщины-библиотекаря, выдохавший движение в статику диафильмов, или какое-то далекое воспоминание другой жизни, где в темной глубине грота всегда горел огонь, и множество глаз следило за движением его языков, под завывание ночного ветра снаружи?.. Невозможно измерить твою благодарность той женщине. Даже лица ее ты не помнишь, но то, что делала она тогда для тебя – бесценно. Понимала ли она сама (сколько ей было лет – двадцать, двадцать пять?) свою роль, свою миссию – быть проводником в иное... Вести – детские души... Не знаю. Но каждый воскресный день она тихо хлопотала в той просторной комнате (крохотной, как я сейчас понимаю), вешала экран, извлекала проектор, проверяла, исправны ли темные шторы. В ней было что-то от матери, струенье каких-то материнских энергий. Взгляд, устремленный в себя, сосредоточенность, редкие умиротворяющие, вполголоса слова. Она что-то там колдовала, а мы сидели и тихо ждали, и из этого ожидания и из ее неторопливых и точных движений рождалось пространство уюта, защищенности, *пространство дома*. Ритуал, приближение к магии – вот как это называлось...

Еще были пластинки, наушники, музыкальные сказки: «Маленький принц», «Финист – ясный сокол», «Бременские музыканты» – старые проигрыватели исправно заедали... Были поиски книг, блуждание меж стеллажами и запойное чтение дома. Целая жизнь под библиотечной сенью...

... Знают ли взрослые, что происходит в душе у ребенка? Что рождает в ней отклик? Какой «сор» может стать животворной почвой для всходов?

Мы думаем, что знаем.

➤ *Андрей Янин*

«Первая задача родителей – защитить малыша от социума»

Андрей Астров,
практический психолог

– Андрей Сергеевич, вы практикующий психолог, к вам часто обращаются с вопросами родителей. Ваш обширный опыт позволяет вам увидеть сегодняшний процесс взаимоотношений «отцы-дети» обобщенно?

– На мой взгляд, нет никакой «общей» ситуации, каждая семья – это отдельный мир, но есть некие модели, базовые модели взаимоотношений между детьми и родителями, и эти модели и сегодня столь же актуальны, как, скажем, сто лет назад. Речь идет о том простом факте, что ребенок – это всегда испытание для родителей. Ведь что такое – родители? И что такое – ребенок?

Родители, как правило, это некое оформленное психическое пространство, некие уже определенные ритмы жизни, привычки. Это как уже построенное здание. А ребенок? Это свободная стихия, которая вносит в вашу жизнь хаос, неопределенность, рождает тревогу и т.д. Это огромные волны, почти цунами, размывающие фундамент, обрушивающиеся на стены здания вашей жизни. И чем монолитнее это здание, чем консервативнее ваши привычки, тем опаснее кажется вам новая ситуация, возникающая с рождением малыша. Вы можете не признаваться в этом себе, даже не подозревать об этом, но это так. И, как ни парадоксально, главное, чем занимается большинство родителей с рождением ребенка, – защищает неприкосновенность своего «здания», свое право оставаться прежним. По существу, мы, родители, в общении с детьми защищаем свое право не изменяться. – С этим утверждением трудно согласиться!

– Видите ли, в общении с детьми существует много пластов. С одной стороны, да, молодые родители (возьмем усредненный вариант) готовятся к приходу малыша, ждут его, стремятся наилучшим образом ввести его в мир. С другой – походите по скверам, паркам, где гуляют молодые мамочки, зайдите в детский садик: что бросается в глаза? – Стой! Нельзя! Осторожно! Стратегия ограничения малыша – вот основной механизм, используемый большинством родителей. Нам кажется, мы ограничиваем, чтобы защитить, чтобы научить. Но в девяноста процентах случаев это ограничение – *чрезмерно*. Оно не продиктовано необходимостью. Любой молодой родитель, который возьмет на себя труд понаблюдать за собой в общении со своим чадом, без труда убедится в этом. «Не ковыряй в носу!» «Брось эту палку!» «Перестань петь сейчас же!» и т.д. и т.д. На самом деле ребенка ограничиваем не мы, ребенка ограничивает нечто чужеродное, что вмонтировано в нас и стало нашим вторым «я». Можно сказать, что природа этого «нечто» – страх. Не за ребенка – за то, что ребенок нарушит статус-кво, некое рутинное равновесие нашего маленького мирка. Происходит простая вещь – мы, как неумелые плотники, обтесываем странную, причудливую древесину, чтобы сделать из нее простую, понятную, функциональную штучку. Было – чудо, станет – табуретка, ящик, шкаф. Вы хотите, чтобы ваш сын исполнял в этой жизни роль шкафа?

– Но ведь надо обтесывать, надо воспитывать? Одна из функций родителей – воспитание малыша в культуру, а культура это в том числе и система ограничений. Разве нет?

– Поверьте, не стоит бояться, что дитя не войдет в «культуру».

В любом социуме слишком много желающих регламентировать жизнь и душу вашего ребенка. Первая задача родителей – защитить малыша от мира, от социума. Создать вокруг него некий оазис тепла, приятия, понимания. В практическом смысле сегодня это должно, на мой взгляд, означать простые вещи: устранить из жизни малыша телевизор, агрессивные масс-медиа, тщательно выбирать всю визуальную информацию, которая будет приходить к нему через домашние DVD и т.д. Сделать книгу и совместное чтение чем-то столь же привычным и естественным, как еда. Защитить

☞ *Станьте своему ребенку слугой, пока он маленький, и у вас будет лучший в мире друг, когда он подрастет.* ☜

ребенка от агрессивных пищевых продуктов. Поверьте, если вкус сахара (я уж не говорю о суррогатах типа колбасы или чипсов) ватах малыш узнает не в год и не в два, а, скажем, в три-четыре (и не от вас, а извне – например, потому, что наступит время идти в садик), это не только сделает его здоровее – это позволит ему сохранить естественные пристрастия, природную интуицию. Такой ребенок, скорее всего, и в дальнейшей жизни будет сохранять разумную дистанцию относительно пищевых суррогатов. Вся сегодняшняя агрессивная цивилизация спешит лишить маленького человека естественно ему присущих даров. Стремится втолкнуть его в крайности: шумовые, вкусовые, чувственные; искушает изобилием вещей и ситуаций. Вот и защищайте вашего ребенка от этой агрессии социума. Но не будьте агрессора-

ми сами! Увидьте в себе и искорените свою внутреннюю агрессию по отношению к ребенку. Поверьте – это великая задача. На которую может не хватить целой жизни...

– И как вы посоветуете к ней подступиться? С чего начать?

– Важно – начать. Если вы еще не будда (*улыбается*), важно осознать боль от насилия над малышом (почти любой родитель знает, что это такое, но предпочитает на этом не фиксироваться), и осознать эту боль снова и снова, и искать ее причину. Что-то в нас знает, когда мы не правы, когда мы нарушаем естественный ход вещей, вторгаемся в мир маленького человека. Позвольте этому «чему-то» заговорить в полный голос.

Ребенок, который постучался в вашу жизнь, это не только испытание на выносливость, на адаптивность и т.д. Это не только рубикон для вашей социумной жизни. С ребенком приходит в вашу жизнь неизбежность внутреннего выбора. Или – или... Помните, Иисус говорил: «Не мир принес я, но мечь...» Это и о ребенке. Сколько семей разваливаются вследствие рождения малыша, сколько «великих любовей» не выдерживают этого испытания. Потому что вместе с ребенком в наш мир заглядывает Космос. А «космическая любовь» – штука не простая, она исключает «право собственности». Подлинно любить – значит ничего не хотеть для себя. Попробуйте для начала расстаться со своим пониманием того, что правильно, а что – нет. Задумайтесь – а вдруг ваш ребенок более прав, вдруг его отношение к миру – более здоровое, разумное, зрелое! Просто наблюдайте за своим отпрыском. Простое это занятие многому может научить... Не спешите без-

■ Александр Потанов. Работа из серии «Молчаливое время». (см. сайт Zenon74.ru, раздел Город как искусство / Краски города)

думно отказываться от тех даров, которые хочет вручить вам ваше «космическое дитя».

– О каких дарах речь?

– Ребенок – это катализатор жизни родителей. Он может стать ее ускорителем, а может стать якорем и ловушкой. Можно говорить о том, что ребенок привносит к нам вечную новизну и свежесть космоса (вот поэтому взрослые тети так любят тискать маленьких ляль – это такой контрабандный способ подпитаться свежей энергией мира), но главный его нам дар – возможность полной трансформации собственной жизни.

Возможность послужить, быть слугой – от слова «служение» – есть в жизни каждого, но ничто, мне кажется, не вознаграждается более, чем служение собственному ребенку. Станьте своему ребенку слугой, пока он маленький, и у вас будет лучший в мире друг, когда он подрастет.

А чтобы понять, что такое служение – ну, прочитайте хотя бы «Паломников в страну Востока» Германа Гессе, или «Юлиана Милостивого» Флобера. Вспомните, как служил средневековый рыцарь своей Прекрасной даме. Он ничего не требовал взамен.

Симона Вейль

СМЫСЛ ВСЕЛЕННОЙ

Фрагмент из книги «Тяжесть и благодать»

Мы часть, которая должна подражать целому.

Атман. Пусть телом для человеческой души станет вся вселенная. Пусть она вступит со всей вселенной в те же отношения, в какие вступает душа коллекционера со своей коллекцией или душа одного из солдат, умирающих с возгласом: «Да здравствует император!» – с Наполеоном. Душа переносится из своего собственного тела в нечто иное. Так пусть же она перенесется в целокупность вселенной. Отождествиться с самой вселенной. Все то, что меньше вселенной, обречено на страдание. Пусть я умру, вселенная останется. Пока я не одно со вселенной, это не может меня утешить. Но если вселенная станет для моей души как бы вторым телом, моя смерть будет значить для меня не больше, чем смерть какого-нибудь незнакомца. То же относится и к моим страданиям. Пусть вся вселенная целиком станет для меня, по отношению к моему телу тем же, чем является для слепца палка по отношению к его руке. Ведь на самом деле он ощущает мир уже не рукой, а кончиком палки. Этому стоит поучиться. Уменьшить свою любовь к тому или иному объекту, но зато расширить ее на весь универсум, – это то же самое. Изменив свои отношения с

миром так же, как в процессе ученичества рабочий меняет свои отношения с орудием производства. Он поранился: так мастерство входит в плоть и кровь. Пусть же с каждым новым страданием вселенная входит в плоть и кровь. Привычка, навык: перенос сознания на любой другой объект, отличный от собственно плоти и крови. Не важно, будет ли этот объект вселенной, временами года, солнцем, звездами. Отношения между телом и орудием производства меняются в процессе ученичества. Нужно менять отношения между телом и миром. Мы не отрешенность приобретаем, а меняем привязанность. Привязаться ко всему. Сквозь каждое ощущение – чувствовать вселенную. Тогда какая разница, радость это или боль? Если руку нам сжимает давно не виденный любимый человек, разве имеет хоть какое-то значение, что его сильноежатие причиняет боль? Степень боли, при которой теряется восприятие мира. Но после наступает умиротворение. И если приступ возвращается, то вслед за ним тотчас возвращается и умиротворение. Даже сама эта степень боли, если нам это известно, уже становится ожиданием умиротворения, и

тем самым не прерывается контакт с миром.

Две крайние тенденции: разрушить «Я» в пользу мира или разрушить мир в пользу «Я». Тот, кто не сумел превратить себя в ничто, рискует дожить до того момента, когда все иное, чем он сам, перестанет существовать.

Педагог по образованию, мыслитель по призванию, мученица по праву выбора своей судьбы, Симона Вейль (1909-1943) стоит в одном ряду с такими метафизическими странниками нового времени, как Киркегор и Лев Толстой, Василий Розанов и Мераб Мамардашвили. Каждое слово этой удивительной женщины рождало поступок, а поступки ее сродни деяниям героинь древнегреческих трагедий. Христианка, не принявшая крещения; визионер, для которого атеизм был родом аскезы; мученица, превыше всего ценившая «благодать боли», – она остается одной из самых загадочных искательниц истины в современном мире.

Внешняя необходимость или же властная внутренняя потребность – такая, как дышать. «Становясь сердцевинной дыханием». Даже если из-за боли в груди дыхание становится чем-то мучительным, мы все равно дышим, мы не можем иначе.

Сочетать ритм жизни тела с ритмом жизни мира, постоянно чувствовать эту соотнесенность и чувствовать также вечный круговорот материи, в потоке которого человеческое существо уносится в мир.

То, что у человека, пока он жив, отняты воля или движение, остается дыхание; или же пространство как вид восприятия (даже в темнице, даже если отнято зрение и лопнули барабанные перепонки, пока мы живы, мы воспринимаем пространство).

Прибавьте к этому мысль – ведь хотелось бы думать, что никакие обстоятельства не могут нас ее лишить.

Любить ближнего как самого себя вовсе не значит любить всех одинаково, ведь даже различные модусы собственного существования я люблю не одинаково. Это не значит также: никогда не причинять никому боли, – ведь и самому себе я не отказываюсь причинить боль. Но с каждым вступаю в отношения одного способа мыслить вселенную с другим способом мыслить вселенную, а не просто с частью вселенной.

Неприятие происходящего в мире события равнозначно желанию, чтобы мир не существовал. И для меня это в моей власти: раз я этого желаю, я это получу.

Тогда я – нарыв на коже мира. Загадывание желаний в фольклоре: желания опасны тем, что они выполнимы. Пожелать, чтобы мир не существовал, – значит пожелать, чтобы я, такая, какая есть, стала всем.

Может ли целая вселенная, от камешка у моих ног до самых отдаленных звезд, каждое мгновение существовать для меня, быть для меня тем же, чем была Агнесса для Арнольфа или шкапулка для Гарпагона? Стоит мне только захотеть, и мир будет принадлежать мне, как сокровище – скупому. Но такое сокровище не умножится.

Это неустранимое «Я», осевшее на самое дно моих страданий, – его-то и нужно сделать универсальным.

Разве имеет хоть какое-то значение, что у меня никогда не было радости, если я знаю, что в Боге все время пребывает радость совершенная! То же самое относится к красоте, уму, ко всему.

Нехорошо желать себе спасения, и не потому, что это эгоистичное желание (быть или не быть эгоистом – не в нашей власти), а потому, что оно направляет душу к некой определенной возможности, причем незначительной и случайной, вместо полноты бытия, вместо блага, которое безусловно.

Все, чего я хочу, где-то существует, или существовало, или будет существовать. Я не могу избрести что-то с нуля. Тогда как же желанию не исполниться?

Как родители не могут себе представить, что еще три года назад их ребенок был небытием,

точно так же мы не можем себе представить, что мы не всегда знали тех, кого любим.

По-моему, я плохо умею любить: ведь иначе у меня бы все происходило по-другому. Моя любовь не замыкалась бы в привязанности к отдельным людям. Она изливалась бы на все, что заслуживает любви.

«Будьте совершенны, как Отец ваш Небесный...» Любите так, как светит солнце. Нужно себе свою любовь к самому себе, чтобы затем излить ее на всех и вся. Один только Бог любит всех и вся, и Он любит лишь Себя Самого.

Любить в Боге гораздо труднее, чем нам кажется.

Я могу весь мир осквернить своей нищетой и даже не почувствовать ее – или же сконцентрировать ее в себе.

Нужно вынести разлад между воображением и фактом. «Я страдаю». Это лучше, чем «этот пейзаж не красив».

Не пытаться изменить свой собственный вес на весах мира – на золотых весах Зевса.

Вся корова целиком дает молоко, даже если выдаиваем мы его только из вымени. Точно так же и мир является производителем святости.

☞ Перевод Н.В. Ликвинцевой

■ Печатается по: Вейль С. Тяжесть и благодать / Пер. с фр.; Сост. и коммент. Н.В. Ликвинцевой, А.И. Шмаиной-Великановой. – М.: Русский путь, 2008.

РУКОВОДСТВО К ОБРАЗОВАНИЮ НЕМЕЦКИХ УЧИТЕЛЕЙ

Продолжение.
Начало на стр. 1

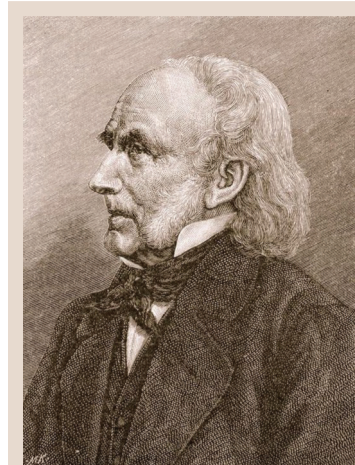
1) посредством разнообразия,
2) живости учителя,
3) всей его личности вообще.
«Разнообразие – улада жизни», – говорит известная пословица. Как же может юношество не чувствовать потребности видеть в разнообразных положениях и видах один и тот же учебный предмет? (Сам по себе обыкновенно сухой и мертвый, значение которого для жизни юношество не понимает.) Учитель, как общее правило, должен искать разнообразия не в различных предметах, но в виде, направленности изложения. Прежде чем ребенок научится писать самую простую букву, он должен ее написать тысячу раз. Подумайте, учителя, что для этого требуется! Поэтому заботьтесь о разнообразии, изменении и перемене!

Но разнообразие составляет не всё и даже не самое главное. Гораздо важнее живость, подвижность, бодрость учителя, его естественная любовь к преподаванию и занятиям с детьми, его радость при успешности даже слабых попыток и т.д. Мы видели, что искусство обучения заключается не в умении сообщить, но в умении возбуждать, будить, оживлять. А как же можно возбуждать без возбуждения, пробуждать дремлющее без самодельности, оживлять без жизни? Только жизнь порождает жизнь; от смерти исходит лишь смерть. Поэтому усвой как можно больше бодрой живости! Последняя заключается не в суетливости, не в бесконечном размахивании руками, не в гримасах и мимике. Это духовная жизнь, которая, разумеется, также отражается на лице, на всем внешнем облике и в жестах. Некоторые люди в этом отношении необыкновенно щедро одарены природой.

Но много этому содействует и воспитание, что можно наблюдать на детях умственно развитых родителей и учениках ревностных учителей. Поэтому каждый учитель, сохранивший способность к дальнейшему образованию, может успешно совершенствоваться в приобретении подлинной живости. Она достигается путем наблюдения людей, отличающихся полнотой духовной жизни, и общения с ними, а также благодаря правильному и упорядоченному образу жизни (потому что многое зависит при этом от тела), не лишено, однако, оживляющего разнообразия.

Короче говоря, старайся придать интерес обучению благодаря всей своей личности! Если не принадлежишь в этом отношении к числу людей, щедро одаренных природой, то старайся совершенствоваться в этом насколько можешь! При помощи доброй воли и желания можно достигнуть не всего, но очень многого. Кто способен приковать к себе внимание слушателей, тот их властелин. Где начинается скука – прекращается внимание, а следовательно, и образование.

Знаком человечества и друг юношества вызывает у ученика желание учиться. Он постоянно возвращает ученика к выученному,

☞ **Фридрих Адольф Вильгельм Дистервег (1790–1866) – немецкий педагог, либеральный политик. Преподавал физику и математику, занимал должность директора учительской семинарии. Стремился к объединению немецкого учительства: в 1831–41 гг. создал в Берлине четыре учительских общества, в 1848 г. был избран председателем «Всеобщего немецкого учительского союза». Выпускал педагогический журнал. После подавления революции 1848 г. боролся с изданными прусским правительством реакционными школьными законами. До конца жизни вел прогрессивную общественно-педагогическую деятельность. Умер в 1866 г., заболев холерой.** ☞

снова заставляет над ним упражняться, применяет на последующих ступенях то, что выучено на предыдущих, дает ученику на каждой остановке обзор уже пройденного, так как для него это важнее изучения нового. Так пробуждает он в ученике живительное чувство приобретенной силы. Кто приобрел это чувство, не нуждается ни в каком другом побуждении к прилежанию. Он любит учителя, школу, предмет, а когда покидает школу, у него сохраняются полученные там стимулы. Углубиться в предмет, быть им поглощенным – значит вновь обрести самого себя.

2. Обучай энергично!

Мне много раз случалось задумываться над тем, в чем, собственно, может заключаться дисциплинирующая дидактическая сила некоторых учителей, обладающих этими свойствами, и почему во многих школах ее недостает. Я нашел источник этой силы в энергии и решительности воли, одним словом, в силе характера учителя. При нерешительности, нечеткости, отсутствии мужественности нельзя создать в какой бы то ни было области что-либо достойное внимания современников. Следовательно, было бы величайшим заблуждением полагать, что при шаткости убеждений, неясности чувств и

отсутствии воли можно превратить глупость юношества в рассудительность, неловкость в искусство, рассеянность во внимание, невежество в образование.

Силу характера нельзя ничем заменить: ни молитвами, ни пением, ни терпением, ни смирением, ни даже расцветом нравственных сил. Это могло бы иметь место, если бы молодежь сама по себе достигала остроты мышления, нравственной силы, энергии, воли! Но эти свойства не приходят сами собой, их нельзя от кого-нибудь получить или вымолить; они должны приобретаться путем напряжения всех сил. Поэтому здесь речь идет не о бездейтельном или отрицательном, но о решительном, положительном действии.

Только человек решительный, энергичный, с твердым характером, знающий, чего он хочет, почему он хочет, и какие средства ведут к выполнению его воли, – только такой человек может воспитать решительных, энергичных, сильных характером людей. Сходите в школу, где учитель дышит энергией, и посмотрите, что он творит! Плодом его деятельности является устойчивое напряженное внимание, которое проявляется во взгляде учеников, в их внешней выправке, хорошо развитой речи – одним словом, во всем. А ведь эти качества особенно необходимы человеку в водовороте жизни, от которого никто не в силах уберечься, даже если бы он обладал богатствами Креза. Эти качества учителя являются истинными, единственно успешными, делающими излишними сотни всяких фокусов и ухищрений, дисциплинарными средствами. Они воплощаются в дисциплинарной дидактической силе учителя, которая является плодом сильного характера.

3. Заставляй ученика правильно усвоить учебный материал! Следи всегда за хорошим выговором, отчетливым ударением, ясным изложением и логическим построением речи!

Необходимо в достаточной мере подчеркнуть важность этого принципа, так как он особенно часто нарушается. Почему?

Говорить самому (т.е. учить) гораздо легче, чем заставлять говорить другого: приучать его к правильной, беглой речи. Это требует неистощимого терпения, постоянного внимания к ученику: не только к содержанию его речи, но также к форме и способу изложения. Вредная привычка – заставлять ученика больше слушать, чем говорить. Мы требуем от учителя добровольного участия в трудном деле, неизбежного при этом самоотречения и самопожертвования. Это не пустяки; это нелегко – мы хорошо это знаем. В особенности это трудно для подвижных, живых, темпераментных учителей. Последние обосновывают свой неправильный образ действий тем, что иначе дело подвигалось бы вперед слишком медленно; они ссылаются на то, что ученики слышат хорошую речь, когда говорит учитель. Но действительно ли ученики подвигаются

вперед, только слушая? И учатся ли ученики для школы или для жизни? Впрочем, подобные оговорки не заслуживают даже опровержения. Следующие положения являются для нас непоколебимыми истинами:

Ученик знает хорошо только то, что умеет правильно выразить. Он усваивает правильно только то, что его заставляя изложить. Как лучшие воспитатели лаконичны там, где речь идет о правильной деятельности самого ученика, так и лучшие учителя если не лаконичны, то, во всяком случае, неразговорчивы и несловоохотливы. Страдающие словоохотливостью – самые худшие из всех. У ученика должно войти в привычку всё, что он слышит и учит, выражать мысленно про себя в правильных предложениях, хотя бы от него и не требовалось пе-

☞ **Самое худшее, что может случиться с ребёнком, это закармливание: он захворает. Но разве не происходит то же со многими детьми в школе? Многие из них приходят в школу с живым желанием учиться. Постепенно оно ослабевает; бодрящая самодеятельность переходит в пассивность. Им еще воспринимает, но уже не усваивает и, наконец, изнуряется. Во многих отношениях остается желательным педагогический гомеопат, человек, учащий нас давать умственные приемы в такой дозе, в какой они действуют наиболее успешно и при какой незначительное количество вызывает сильнейшее действие. Надо гораздо сильнее опасаться закармливать учеников, чем ослабить их недостатком пищи. Педагогическая диета и поваренное искусство – очень важные искусства. Им еще многое предстоит сделать. Но никто не действует так пагубно, как деспотический учитель, не считающийся с естественным развитием человека, не уважающий этого развития. Так же пагубно действует учитель бездейный, полный сомнений, критиканствующий. Подобный учитель убивает благородную человеческую природу.**

Адольф Дистервег ☞

редачи их вслух. Я знал одного учителя, который за несколько часов преподавания не говорил и десяти предложений, ученики же наоборот – сотни их. То был настоящий учитель. Вредная привычка – заговаривать учеников до одури, обречь их на вечное слушание. Они должны, конечно, научиться внимательно слушать, и они учатся этому во многих наших школах при живом увлекательном преподавании. Но правильная речь самих учеников важнее этого; она также бесконечно важнее, чем правильное писание.

Еще важнее, особенно в обучении, правильное построение речи. Наличие его тотчас же выдает хорошую голову, отсутствие – дурную. Обладатель последней, как правило, назовет сначала итог размышления, выводы заключительного ряда, совершенно пропуская при этом предпосылки или плохо их излагая. Но этого нельзя допускать. Ученика обязательно следует заставить изложить ход мыслей в связном и последовательном порядке, и ни в каком другом. С обратным ни в коем случае нельзя мириться! Иначе никогда не появятся ясность и прочность знаний, отчетливость суждений и последовательность вывода. Итак, как птицу по пению, так ученика можно узнать по речи.

4. Никогда не останавливайся! Недостаточно только помнить пословицу: «Остановка – шаг назад». К этому надо добавить, что лишь до тех пор являешься способным давать образование другим, пока продолжашь работать над собственным образованием и видишь в самой школе, в общении с детьми и преподавании главное образовательное средство. Образование никогда и нигде не является чем-то законченным и завершенным. Оно находится в становлении и изменении, чего нельзя себе представить без деятельности, движения, роста. Если верно, что образование других состоит преимущественно в их возбуждении, а это возбуждение зависит от самодеятельности возбуждающего, то отсюда следует, что подобное обучение для самого учителя является школой самообразования в высшем смысле слова. Так как учитель большую часть дня занимается обучением, то его дальнейшее собственное образование должно ему даваться легче, чем остальным людям, при условии, если его обучение действительно является возбуждением других и вместе с тем самовозбуждением.

Там, где этого нет, наверно, плохо обстоит дело и с тем образованием, которое получают от него другие. Поэтому работай постоянно над своим образованием: над общим – как человек и гражданин, над специальным – как учитель!

Вообще, учитель должен быть олицетворением зрелого, воспитанного, если не совершенного, то стремящегося к совершенству человека. Самым важным явлением в школе, самым поучительным предметом для наблюдения, самым живым примером для ученика. Он – олицетворенный метод обучения, само воплощение принципа обучения и воспитания. Его личность завоевывает ему уважение, влияние, силу. Повсюду ценность школы равняется ценности ее учителя. Побывав в первой, узнаешь последнего гораздо ближе и основательнее, чем в итоге самого подробного описания: «Покажи мне своих учеников, и я увижу тебя!»

■ **Фрагмент из работы «Правила обучения, касающиеся учителя». Печатается по: Дистервег А. Избранные педагогические сочинения. – М.: Учпедгиз, 1956.**